

УДК 811.112.2

DOI 10.30914/2072-6783-2023-17-3-440-447

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ НЕЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ (ПЕРИФЕРИИ)

Н. Л. Шамне, М. В. Милованова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена рассмотрению особенностей объективации в немецком языке категорий социальной эксклюзии и социальной инклюзии в территориальном аспекте на примере отдельных лексем. Изучение особенностей отражения в языке социально значимых категорий является важным, поскольку данные категории, в частности социальной эксклюзии и инклюзии, определяют существование субъекта в социуме. **Цель работы** – охарактеризовать особенности объективации процессов территориальной социальной эксклюзии, инклюзии на примере лексем *Krähwinkel*, *Nest* и уточнить словарные дефиниции данных единиц. **Материалом исследования** послужил газетный корпус системы цифровых словарей Берлин-Бранденбургской Академии наук (DWDS). В ходе исследования применялись методы структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы метода компонентного анализа. **Результаты исследования, обсуждения.** В ходе исследования были установлены особенности объективации процессов территориального социального исключения и включения в семантике лексем *Krähwinkel*, *Nest*. Единица *Krähwinkel* выражает в контексте следующие семантические признаки: оценка обозначаемого пространства (преимущественно негативная); атмосфера мешанства и ограниченности (преимущественно по отношению к прошлому); амбивалентность номинируемой территории. Лексема *Nest*: небольшая пространственная протяженность; особый субъект; отсутствие деятельности. Лексемы *Krähwinkel* и *Nest* отмечены также в немногочисленных контекстах, актуализирующих процессы социального включения. **Заключение.** Приведенные характеристики позволяют говорить о том, что единицы *Krähwinkel* и *Nest* непосредственно выражают процессы территориальной социальной эксклюзии: удаленность от центра, отсутствие какого-либо движения, изменений. При этом данные процессы в большей степени в пространственном значении объективирует лексема *Nest*, единица *Krähwinkel* преимущественно выступает в обобщенно-символическом значении «социально-культурное захолустье».

Ключевые слова: социальная эксклюзия; социальная инклюзия; территориальный аспект, ключевая лексема, семантический признак, оппозиция «центр – не центр»

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шамне Н. Л., Милованова М. В. Некоторые особенности отражения в немецком языке нецентральной территории (периферии) // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 3. С. 440–447. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-3-440-447>

SOME FEATURES OF REFLECTION OF THE NON-CENTRAL TERRITORY (PERIPHERY) IN THE GERMAN LANGUAGE

N. L. Shamne, M. V. Milovanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the consideration of objectification peculiarities in the German language of social exclusion and social inclusion categories in the territorial aspect by the example of individual lexemes. The study of the features of reflection in the language of socially significant categories is important, since these categories, in particular social exclusion and inclusion, determine the existence of the subject in society. **The purpose of the work** is to characterize the features of the objectification of the processes of territorial social exclusion, inclusion by the example of the *Krähwinkel*, *Nest* lexemes and to clarify the dictionary definitions of these units. **The research material** was the newspaper corpus of the digital dictionary system of the Berlin-Brandenburg Academy of Sciences (DWDS). Methods of structural-semantic and contextual analysis, elements of the component analysis method were used in the course of the study. **Research results, discussions.** In the course of the study, the features of the objectification of the processes of territorial social exclusion and inclusion in the semantics of the lexemes *Krähwinkel*, *Nest* were established. The unit

Krähwinkel expresses the following semantic features in the context: assessment of the designated space (mostly negative); an atmosphere of philistinism and narrow-mindedness (mainly in relation to the past); ambivalence of the nominated territory. The lexeme *Nest*: small spatial extent; special subject; lack of activity. The lexemes *Krähwinkel* and *Nest* are also noted in a few contexts that actualize the processes of social inclusion. **Conclusion.** The given characteristics suggest that the *Krähwinkel* and *Nest* units directly express the processes of territorial social exclusion: remoteness from the centre, the absence of any movement, changes. At the same time, these processes are objectified to a greater extent in the spatial sense by the lexeme *Nest*, the unit *Krähwinkel* mainly appears in the generalized symbolic meaning of “sociocultural outback”.

Keywords: social exclusion; social inclusion; territorial aspect, key lexeme, semantic feature, opposition “centre – not centre”

The authors declare no conflict of interest.

For citation: Shamne N. L., Milovanova M. V. Some features of reflection of the non-central territory (periphery) in the German language. *Vestnik of the Mari State University*, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 440–447. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-3-440-447>

Введение

В современный период развития различных направлений языкознания все языковые явления, как правило, рассматриваются с позиций антропоцентрического подхода, когда в центр исследовательских интересов ставится субъект и различные процессы отражения в языке представлений человека об окружающем мире. В этой связи весьма интересным является изучение проблемы репрезентации в языке социально значимых категорий, в частности категорий социальной эксклюзии, социальной инклюзии. Данные категории являются весьма объемными и включают в себя целый ряд аспектов: возраст, гендер, территория, социальный статус и др. Особенно активно указанные категории изучаются в зарубежной социологии, начиная с 70-х гг. XX века) [1; 2]; в отечественной социологии – начиная с конца XX века [3; 4].

В самом общем виде социальная эксклюзия представляет собой такое существование человека в социуме, при котором он в силу разных обстоятельств не может в полной мере участвовать в экономической, социальной, политической, культурной жизни общества [5]. Что касается социальной инклюзии, то она рассматривается и описывается прежде всего с позиций преодоления эксклюзии [6]. Однако то, как процессы социального исключения и включения отражены в языке, не получило должного освещения в науке. Имеются лишь отдельные работы в рамках проблемы преодоления различных социальных исключений в сфере образования применительно к языку и культуре [7]; в сфере социальной и язы-

ковой интеграции мигрантов [8; 9]; на материале общественного немецкого дискурса [10].

Актуальность исследования определяется, во-первых, релевантностью изучения социально значимых категорий, во-вторых, отсутствием работ в рамках названной проблематики. В центре нашего исследовательского интереса – процессы территориальной социальной эксклюзии, инклюзии, рассмотренные на примере их объективации в семантике отдельных лексем.

Территориальная социальная эксклюзия, инклюзия понимается нами широко – как существование субъекта на определенной территории в рамках оппозиции «центр – не центр». В русском языке ключевыми лексемами, объективирующими территориальную социальную эксклюзию, являются единицы *периферия*, *провинция*, *глубинка*, при этом базовой выступает единица *периферия* как самое обобщенное противопоставление центру; помимо этого выделяются стилистически маркированные лексемы *глушь*, *захолустье*. Особый интерес применительно к обозначенной проблематике представляет немецкий язык, поскольку параллельные тексты показали наличие достаточно объемного синонимического ряда единиц (отдельных лексем и словосочетаний) в немецком языке, обозначающих понятие территориальной социальной эксклюзии: *Provinz*, *Hinterland*, *Tiefe*, *Ferne*, *Nest*, *Krähwinkel*, *Outback*, *sehr ländlich*, *tiefste Provinz*, *ein abgelegener Ort*, *eine verlassene Gegend*. Из приведенного синонимического ряда для анализа нами выбраны единицы, ранее не описанные в научной литературе, – *Nest*, *Krähwinkel*,

которые обнаруживают определенную близость (букв.: «гнездо» и «вороний угол»).

Цель настоящей работы – охарактеризовать особенности объективации процессов территориальной социальной эксклюзии, инклюзии на примере лексем *Nest*, *Krähwinkel* и уточнить словарные дефиниции данных единиц.

Материал исследования и методы

Материалом нашего исследования послужил газетный корпус системы цифровых словарей Берлин-Бранденбургской Академии наук (DWDS)¹. Тексты СМИ являются одними из востребованных источников для лингвистических исследований (во многом в силу массового охвата аудитории). Именно в текстах СМИ находят непосредственное отражение различные процессы, происходящие в социуме. Всего было проанализировано около 500 случаев употребления единиц *Krähwinkel*, *Nest*. В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы метода компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Обратимся к анализу словарных дефиниций:

Krähwinkel – spießbürgerliche Kleinstadt oder Gesinnung (со стилистической окраской «уничжительное» – abwertend); сочетания *im Krähwinkel leben*, *Gedanken aus (dem) Krähwinkel* (WDG)² – жить в маленьком мещанском (захолустном) городке; мыслить узко, провинциально. Данная лексема образована из *Krähe* и *Winkel* – ворона и угол (вороний угол).

Nest (в третьем значении), разговорный стиль: kleiner (abgelegener) Ort, коллокации: *скучное, жалкое, убогое, брошенное, богом забытое*, а также, напротив, – *красивое маленькое* (WDG);

Итак, приведенные лексемы объединяет признак небольшой территориальной протяженности, а также некая определенная статичность существования в данном пространстве.

¹ DWDS – Korpora im DWDS. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/r> (дата обращения: 04.05.2023).

² WDG – Klappenbach R., Steinitz W. (Hrsg) Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. 6 Bde. Berlin. 1980–1982. URL: <https://www.dwds.de/wb/> (дата обращения: 04.05.2023).

Выборка лексемы *Krähwinkel* из фактического материала показала наличие достаточно большого количества контекстов, в которых данная единица употребляется как имя собственное, в частности речь идет о случаях обращения к пьесе австрийского драматурга Йоганна Нестроя «Freiheit in Krähwinkel» (1848), после выхода которой вымышленное местечко *Krähwinkel* вошло в толковые словари немецкого языка и стало употребляться как определенный символ чего-то обывательского, мещанского.

Нас интересуют прежде всего контексты, в которых единица *Krähwinkel* употребляется для обозначения определенной территории. Анализ данных примеров (около 200), представленных в фактическом материале, позволил выделить ряд семантических признаков, не нашедших последовательного отражения в словарях, которые в большей степени объективируют в контексте категорию социальной эксклюзии (около 90 % случаев) и в меньшей – категорию социальной инклюзии (около 10 % случаев).

1. Оценочная характеристика конкретной территории (преимущественно негативная), в частности города (реже – страны); в данном случае представлены немецкие города (в единичных случаях австрийские), причем в большинстве случаев это г. Берлин: *Indes Berlin wieder zu Krähwinkel wird* (Berliner Zeitung, 06.10.1994); *So ist Berlin: früher Krähwinkel, heute Schmollwinkel* (Der Tagesspiegel, 26.11.2004) (DWDS); *Berlins CDU-Chef Christoph Stözl, der den Anstoß dazu gab, Heine an den rechten Platz zu rücken, ließ den Dichter selbst zu Wort kommen: “Heine hat Berlin ein grosses Krähwinkel genannt, hat scharfsichtig erkannt, dass die Meckersucht eine Schwäche der Stadt ist”* (Der Tagesspiegel, 14.12.2002) (DWDS); *Berlin darf nicht Krähwinkel werden!* (Die Zeit, 26.06.2003) (DWDS). В такого рода контекстах Берлин еще со времен Г. Гейне ассоциируется с казенщиной, застывшим состоянием, отсутствием культурного развития. *Krähwinkel* в данном случае используется в функции стереотипного символа мещанского ограниченного городка (последний пример: *Берлин не должен превращаться в «кревинкель»*). Отдельно заметим, что данная оценочная характеристика, как правило, относится к определенному хронологическому периоду прошлого.

Помимо Берлина, оценочную характеристику может иметь Бонн: *Da päppeln wir das liebe Bonn*,

das jahrzehntelang als Regierungssitz wie die Maus im Speck ... Bonn, das Krähwinkel der Adenauerei, hat alle eingelullt (Die Zeit, 23.01.1998) (DWDS) – в послевоенное время, либо в текущий период: *Aber Außenpolitiker gibt es in Bonn, darin ist die Stadt dann doch Krähwinkel, so gut wie nicht* (Die Zeit, 22.02.1991) (DWDS). Причем, если в первом примере Бонн не оценивается негативно, а представлен как сонный город, в котором все есть, то во втором примере, напротив, Бонн характеризуется как «захолустье».

В качестве ведущих языковых средств, актуализирующих данную оценочную характеристику, выступают глагольно-именные конструкции *werden zu+Dativ, etwas nennen, etwas sein*.

В фактическом материале встретился ряд примеров, когда такого рода характеристика относится в целом к стране (Германия). В таких контекстах речь, как правило, идет о будущем развитии Германии, которое противопоставляется прошлому, обывательскому состоянию (т. е. отсутствует какое-то движение вперед). Например: *Doch kann das künftige Deutschland auch nicht sein kleines Glück im Krähwinkel suchen* (Die Zeit, 31.08.1990) (DWDS). В данном случае прошлое Германии может оцениваться как «провинциальная мораль захолустья, мещанского существования»: *Die Renaissance eines deutschen Weges, wie sie sich in früheren Worten des Kanzlers und jetzt auch in einem gleichnamigen Buch des SPD-Politikers Egon Bahr ankündigt, also das Verharren im "provinzmoralischen Krähwinkel", sind Sofskys Sache nicht* (Der Tagesspiegel, 25.08.2003) (DWDS). Однако возможно и противоположное восприятие «кревинкельской» Германии – как «милой сердцу» (50-е годы), которая противопоставляется современному ее статусу – важный регион Европейского сообщества: *Wer hätte 1952 zu prophezeien gewagt, das künstlich anmutende Gebilde und liebenswerte Krähwinkel der Bundesrepublik werde eines Tages an wirtschaftlicher Dynamik und geistiger Modernität alle anderen Länder hinter sich lassen, ja eine der wichtigsten Regionen der Europäischen Gemeinschaft werden?* (Die Zeit, 17.06.1977) (DWDS).

В отдельных случаях характеристику захолустья получает какой-либо отдаленный от центра регион Германии, например Франкония (до падения железного занавеса), которая противопоставляется Мюнхену и описывается синонимическим

рядом *захолустье, полоса смерти (на границе), ничья земля, баварская Сибирь: Bei Kerstin Specht, einer in München lebenden Fränkin aus Kronach, ist Franken vor allem psychologisches Terrain, Seelenmüll der Kindheit, aber auch eine metaphorisch aufgeladene Landschaft, bis zum Verschwinden des Eisernen Vorhangs eine Grenzerfahrung: Krähwinkel, Todesstreifen, Niemandland, ein bayerisches Sibirien* (Die Zeit, 02.11.1990) (DWDS).

Распространены конструкции с адъективами, уточняющими выражаемую лексемой *Krähwinkel* характеристику: *liebenswerte, romantische provinzmoralische*; либо синонимические ряды, построенные по принципу градации. Обратим внимание, что, несмотря на выраженную в ряде случаев положительную характеристику, в целом данная территория характеризуется как нечто застывшее, требующее дальнейшего развития.

2. Признак противопоставленности другим пространственным объектам, которые ближе расположены к крупному городу, например: *Nicht in irgendeinem österreichischem Krähwinkel – wo das Rittergeschlecht derer von Wagner her kommt – wollte das Ehepaar nach Jahrzehnten in aller Welt zur Ruhe kommen, sondern "am Nabel der Welt". Das ist Karlshorst zwar noch nicht, aber in Berlin überall "voll dabei sein" kann der 66-jährige Ex-Botschafter von dort aus bequem* (Der Tagesspiegel, 15.05.2001) (DWDS) (в данном случае «какое-то австрийское захолустье» противопоставляется Карлсхорсту – району Берлина, (от которого близко до центра города), неопределенное местоимение *irgendeine* еще больше подчеркивает уничижительную характеристику. Либо эти объекты имеют более высокий статус: *Nicht nur West- und Ostberlin haben sich wiedervereinigt, sondern vor allem Friedheim und Krähwinkel* (Die Zeit, 06.11.1992) (DWDS). В последнем примере Западный и Восточный Берлин противопоставляются как *Friedheim* (данная лексема (не как имя собственное) может обозначать район маленького провинциального города) и *Krähwinkel* – «захолустье». Сопоставление с объектом, обозначенным лексемой *Friedheim*, подчеркивает более низкое положение территории, номинируемой единицей *Krähwinkel*.

Данный признак противопоставленности может быть переосмыслен и выражаться через оппозицию «узость – широта» применительно к

политике, взглядам и т. п.: *Berlin soll Hauptstadt und Regierungssitz werden, nicht wegen der Architektur, nicht der Umgebung wegen, sondern weil die Mischung von Politik, Wirtschaft und Geist wider Krähwinkel und Kirchturm geht* (Berliner Zeitung, 09.06.1999) (DWDS) – в приведенном примере политика и бизнес Берлина находятся в противоречии с его захолустьем, т. е. своего рода нежеланием менять сложившийся устой, привычки.

3. Ориентация на прошлое, состояние застоя, традиционность, что выражают дескриптивы, например: *moralinsaure, der engste, spitzeste* (морально-кислое, самое узкое и захолустное место): *Man kann das verkommen nennen, sich beleidigt in den moralinsauren Krähwinkel zurückziehen und fürderhin keine Sportveranstaltungen mehr gucken. Oder Doping endlich genauso begreifen wie Chirurgie und Pharmazie. Als Symptome von etwas, das Schiller schon beschrieb: den menschlichen Wettkampf mit der Natur* (Die Zeit, 19.08.2008) (DWDS); *Denn er hat sich nicht nur über die Nachteile der Judengasse beschwert, in der er geboren wurde, sondern hat die ganze christliche Messestadt als einen "der engsten, spitzesten Krähwinkel in Deutschland" bezeichnet* (Die Zeit, 29.11.1996) (DWDS). Прилагательные, выступающие как дескриптивы, имеют, как правило, ярко оценочный характер, преобладает негативная оценка.

4. Амбивалентность, которая выражается в противопоставленных рядах дейктических единиц, обозначающих своего рода «атрибуты» территории, номинируемой лексемой *Krähwinkel*. Например (речь идет о Баден-Бадене): *... hier der weltberühmte Kurort, das Hätschelkind verkürter Erinnerungen, dort das lebkuchenfarbene Provinznest wie Krähwinkel mit Stadtbrunnen, Bismarckdenkmal, mit Schnellimbibläden und Pornoshops* (Die Zeit, 04.11.1988) (DWDS), здесь *Krähwinkel* обозначает еще большее захолустье, по сравнению с *Provinznest*, характеризующееся через дейкисы «городской фонтан», «памятник Бисмарку», «фастфуд», «сексшоп». С другой стороны, – это «всемирно известный курорт». Приведем еще примеры: *Es gibt keine deutsche Modernisierung im Krähwinkel* (Die Zeit, 01.10.1998) (DWDS) – дейкис «отсутствие модернизации»; *Innerhalb der alten Mauern ist Bad Orb eine gemütliche Provinzstadt mit viel Fachwerk, Schmiedekunst, Geranien und vergoldeten Brunnen, ein verträumtes hessisches Krähwinkel, an dem die*

Zeit und das Leben weit vor den Toren auf der Bundesstraße 40 vorüberrauschen (Die Zeit, 02.01.1991) (DWDS) – дейкисы «фахверковые дома», «кованые изделия», «герань», «позолоченные фонтаны» – своего рода идиллическая картинка.

В фактическом материале представлен ряд примеров, актуализирующих категорию социальной инклюзии, в такого рода контекстах речь идет об осуществлении на данной территории ряда проектов, внедрение социальных инноваций: *Das ist nicht so gemeint, wie es klingt, sondern eher die Schlußfolgerung aus einschlägigen Erfahrungen aus Projekten In Krähwinkel an der Spree* (Berliner Zeitung, 09.05.1994) (DWDS); *Einige Beispiele von sozialen Innovationen in den Städten und Krähwinkeln der Republik mögen die neue Perspektive andeuten* (Die Zeit, 29.10.1993) (DWDS). В приведенных и аналогичных примерах инклюзия выражена через единицы *Projekte* и *Innovationen*.

Обратимся к лексеме *Nest*. В фактическом материале исследования в семантике лексемы *Nest* в интересующем нас значении (около 300 случаев употребления) можно выделить следующие признаки (отраженные и не нашедшие отражение в словарях), указывающие на процессы социальной эксклюзии:

1. Небольшая пространственная протяженность: *Wir sitzen in der Kneipe eines kleinen Nests im Osten Neufundlands* (Der Tagesspiegel, 12.09.2004, Die Zeit, 05.10.2017) (DWDS); *Frapppierend ist die Tatsache, dass 96 namentlich bekannte Invasoren ausgerechnet aus dem kleinen Nest Trujillo stammten* (Der Tagesspiegel, 12.09.2004) (DWDS), косвенно на это указывают также количественные числительные, например, количество жителей, объектов инфраструктуры: *Als English 1949 nach Las Vegas kam, war die Stadt, die am Sonntag hundert Jahre alt wird, ein Nest in der Wüste mit 25000 Einwohnern und vier Hotels* (Berliner Zeitung, 14.05.2005) (DWDS).

2. Отсутствие какой-либо деятельности, внимания извне (дескриптивы *зброшенный, сонный*): *in einem verlassenem tschechischen Nest, in dem verschlafenen Nest*. Данный признак также выражен в контекстах, где представлено прямое, либо косвенное противопоставление столицы, крупного города и места, обозначаемого как *Nest*: *Ich wollte raus aus dem Nest, in das es uns*

verschlagen hatte, hin nach Berlin, in die Großstadt (Berliner Zeitung, 19.03.2005) (DWDS) – здесь отражена также оппозиция «маленький – большой»; *Dass die (Rück-)Eroberung Konstantinopels noch bis Anfang der zwanziger Jahre auf der Agenda Russlands und der europäischen Großmächte stand, sieht man daran, dass die türkische Hauptstadt heute Ankara heißt – ein vormals unbedeutendes Nest* (Die Zeit, 19.10.2017) (DWDS) – столица в ее нынешнем состоянии противопоставляется ее прежнему состоянию, которое характеризуется как *unbedeutendes Nest* (ничего из себя не представлявшее захолустье).

3. Особые субъекты и объекты (косвенно противопоставляемые городу), например, *рыбаки, идиоты, ворчуны; рынок: Ein verschlafenes Nest mit einer Flotte von Shrimpsfischern, die vom Fischfang lebten, bis sie merkten...* (Die Zeit, 15.06.2017) (DWDS); *Die Sketches spielen in einem friesischen Nest voller Dorftrottel und Brummbacken* (Berliner Zeitung, 15.10.2004) (DWDS); *Ein Brandenburger Weihnachts-Bauernmarkt, in einem Nest eine Stunde von Berlin, und neben Schmalz und Schmand, neben Obstbränden, Honig und Marmeladen gibt's das herbsüße, knusprige Quittenbrot* (Der Tagesspiegel, 22.12.2004) (DWDS).

Отдельно отметим, что в фактическом материале встретились случаи, когда можно говорить о процессах социальной инклюзии (около 12 %), в частности это контексты, в которых описываются различного рода проводимые на данной территории мероприятия, например: *Der Weg führte Kenenisa Bekele vom äthiopischen Hochland nach Hengelo, in ein holländisches Nest, das nicht viel hat, außer einem kleinen, feinen Sportfest* (Berliner Zeitung, 27.12.2004) (DWDS). Ключевой единицей в такого рода примерах выступает лексема *das Fest*.

Предпринятый анализ репрезентации понятий территориальной социальной эксклюзии, инклюзии, обозначаемых лексемами *Krähwinkel* и *Nest*, в эмпирическом материале (текстах СМИ), позволил уточнить семантику данных синонимичных единиц и выделить некоторые особенности выражения в немецком языке процессов социального исключения и включения.

Лексема *Krähwinkel*, объективируя определенную территорию, выражает в контексте следующие семантические признаки: оценка (преимущественно негативная) конкретного места (на первом месте по частотности – Берлин); маркер

прошлых эпох как мещанства, ограниченности (по отношению к Германии); более «низкий» уровень данной территории по сравнению с другими территориальными объектами; амбивалентность (дейксисы, дескриптивы). В единичных случаях представлена актуализация процессов социальной инклюзии (проекты, инновации).

Лексема *Nest*: небольшая пространственная протяженность (пространственные квалификаторы); особый субъект (единицы, его номинирующие); отсутствие деятельности (дескриптивы). В силу специфики самого понятия *Nest* – в первом значении как некое пространство, связанное с домом (гнездо), – зафиксированы случаи положительного восприятия данного понятия. Противопоставление городу представлено преимущественно в рамках оппозиции «маленький – большой». Лексема *Nest* отмечена также в контекстах, актуализирующих процессы социального включения (массовые мероприятия).

Заключение

Таким образом, сопоставительная характеристика единиц *Krähwinkel* и *Nest*, изучение контекстного окружения дает возможность установить дополнительные семантические признаки, актуализирующие прежде всего процессы социального исключения в рамках территориального параметра:

Krähwinkel – 1) социально-культурная удаленность по отношению к какому-либо крупному объекту, либо объекту более высокого статуса; 2) относительно небольшая пространственная протяженность; 3) маркер прошлых эпох; 4) символ косности, ограниченности; 5) амбивалентность.

Nest – 1) нелокализованная пространственная удаленность от центра; 2) маленькая пространственная протяженность; 3) отсутствие какой-либо деятельности; 4) противопоставление большому городу; 5) положительная оценка как места рождения (место, где провел детство).

Приведенные характеристики позволяют говорить о том, что единицы *Krähwinkel* и *Nest* непосредственно выражают прежде всего процессы территориальной социальной эксклюзии: удаленность от центра, отсутствие какого-либо движения, изменений. При этом данные процессы в большей степени в прямом значении объективирует лексема *Nest*, единица *Krähwinkel* преимущественно выступает в обобщенно-символическом значении «социально-культурного захолустья».

1. Lenoir R. Les exclus: Un Français sur dix. 2nd ed. Paris : Seuil, 1974. 171 p.
2. Vela-Jiménez R., Sianes A. Do Current Measures of Social Exclusion Depict the Multidimensional Challenges of Marginalized Urban Areas? Insights, Gaps and Future Research // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. No. 15. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18157993>
3. Тертышников А. Г., Павлова У. О. Социальная эксклюзия как негативное последствие цифровизации // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 12 (178). С. 106–110. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.12.15>
4. Шеремет А. Н. Социальная эксклюзия в современном российском обществе: масштабы, разновидности, прогноз // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. 2022. № 3. С. 209–212. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=11653&type=publ> (дата обращения: 13.05.2023).
5. Giddens A. *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge : Polity Press, 1998. 85 p.
6. Otsuji E., Pennycook A. Social inclusion and metrolingual practices // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2011. Vol. 14. No.4. Pp. 413–426. DOI: <https://doi.org/10.1080/13670050.2011.573065>
7. Boeckh J. Migration und soziale Ausgrenzung // *Handbuch Armut und soziale Ausgrenzung* / Ernst-Ulrich Huster, Jürgen Boeckh, Hildegard Mogge-Grotjahn (Ed.). Springer 2018. Pp. 539–571. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-19077-4_24
8. Eben C., Declerck M. Conflict monitoring in bilingual language comprehension? Evidence from a bilingual flanker task // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2019. Vol. 34. No. 3. Pp. 320–325. DOI: <https://doi.org/10.1080/23273798.2018.1537499>
9. Shamne N. L., Milovanova M. V., Terentyeva E. V. Host Country Language Teaching: Theoretical and Practical Aspects of Providing Inclusive Education for International Students // *Smart Innovation, Systems and Technologies* / General eds. A. O. Inshakova, E. I. Inshakova. Springer, Singapore. 2022. Vol. 288. Pp. 287–294. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_25
10. Лапина Л. Г. Понятие инклюзии в немецком общественном дискурсе // *Социо- и психолингвистические исследования*. 2017. № 5. С. 89–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-inklyuzii-v-nemetskom-obschestvennom-diskurse> (дата обращения: 13.05.2023).

Статья поступила в редакцию 21.06.2023 г.; одобрена после рецензирования 25.07.2023 г.; принята к публикации 30.08.2023 г.

Об авторах

Шамне Николай Леонидович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский проспект, д. 100), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>, nikolay.shamne@volsu.ru

Милованова Марина Васильевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский проспект, д. 100), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>, mv_milovanova@volsu.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Lenoir R. Les exclus: Un Français sur dix. 2nd ed. Paris, Seuil, 1974, 171 p. (In French).
2. Vela-Jiménez R., Sianes A. Do current measures of social exclusion depict the multidimensional challenges of marginalized urban areas? Insights, gaps and future research. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, vol. 18, no. 15. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18157993>
3. Tertyshnikova A. G., Pavlova U. O. Sotsial'naya eksklyuziya kak negativnoe posledstvie tsifrovizatsii [Social exclusion as a negative consequence of digitalization]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development, 2022, no. 12 (178), pp. 106–110. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.12.15>
4. Sheremet A. N. Sotsial'naya eksklyuziya v sovremennom rossiiskom obshchestve: masshtaby, raznovidnosti, prognoz [Social exclusion in modern Russian society: scales, varieties, forecast]. *Medsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya* = Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research, 2022, no. 3, pp. 209–212. Available at: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=11653&type=publ> (accessed 13.05.2023). (In Russ.).
5. Giddens A. *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge, Polity Press, 1998, 85 p. (In Eng.).
6. Otsuji E., Pennycook A. Social inclusion and metrolingual practices. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2011, vol. 14, no. 4, pp. 413–426. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/13670050.2011.573065>
7. Boeckh J. Migration und soziale Ausgrenzung. *Handbuch Armut und soziale Ausgrenzung*. Ernst-Ulrich Huster, Jürgen Boeckh, Hildegard Mogge-Grotjahn (Eds). Springer, 2018, pp. 539–571. (In Germ.). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-19077-4_24

8. Eben C., Declerck M. Conflict monitoring in bilingual language comprehension? Evidence from a bilingual flanker task. *Language, Cognition and Neuroscience*, 2019, vol. 34, no. 3, pp. 320–325. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/23273798.2018.1537499>
9. Shamne N. L., Milovanova M. V., Terentyeva E. V. Host country language teaching: theoretical and practical aspects of providing inclusive education for international students. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. General eds A. O. Inshakova, E. I. Inshakova. Springer, Singapore, 2022, vol. 288, pp. 287–294. (In Eng.). DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_25
10. Lapina L. G. Ponyatie inklyuzii v nemetskom obshchestvennom diskurse [The concept of inclusion in German social discourse]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya = Socio- and Psycholinguistic Research*, 2017, no. 5, pp. 89–92. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-inklyuzii-v-nemetskom-obschestvennom-diskurse> (accessed 13.05.2023). (In Russ.).

The article was submitted 21.06.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 30.08.2023.

About the authors

Nikolay L. Shamne

Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University (100 Prospect Universitetsky, Volgograd 400062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>, nikolay.shamne@volsu.ru

Marina V. Milovanova

Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University (100 Prospect Universitetsky, Volgograd 400062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>, mv_milovanova@volsu.ru

All authors have read and approved the final manuscript.